

Вера Огнева

**НЕСТРАШНА
СКАЗКА**

Книга 3

Вера Огнева
Нестрашная сказка. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Огнева В. Е.

Нестрашная сказка. Книга 3 / В. Е. Огнева — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

Гуго очень быстро понял, каково это, жить в чужой шкуре. Тейт заперли в ее покоях. Она стала заложницей наместника императора. А когда ее не удалось склонить к взаимности измором, в ход пошла подлость. И главное – время. Его осталось очень мало.

Глава 1

Его разбудили режущий ноздри аромат прели, а ещё талой воды и чёрной прошлогодней листвы. Вслед за ощущением тепла пришла боль в руках и ногах...

Лапах!

Он проснулся и понял, что весна. Понял и обрадовался способности понимать. Мысль спуталась и сгнула. Ей на смену пришёл позыв голода. Медведь проснулся вслед за человеком.

Зверь заворочался, издавая глухой рокот – то ли рык, то ли стон. В тесную расщелину, которая служила зимней постелью, посыпалась труха, потекла вода. Закапало и зажурчало.

Болело всё. Медведь расшвырял лесной сор и начал выбираться, плотно зажмутив веки.

Он так в слепоте и лез, пока по коже не расползлось хилое тепло ранней весны. Солнце обожгло глаза даже под веками. Медведь развернулся, сунул морду обратно в полумрак расщелины и только тут разлепил веки. Светом полоснуло, как клинком. Потекли слёзы. Человек держался недолго. Медведь взревел, хотя коротко и тихо. Громко объявлять себя в пустом весеннем лесу – привлечь внимание.

Чего-чего, а того внимания с лихвой хватало осенью, когда его гнали и травили. Он убежал и прятался, потом являлся, как из-под земли, чтобы заломать очередную овцу или корову. Впрочем, корова попалась всего-то одна.

Воспоминания о последней трапезе наполнили рот слюной. От голода замутило. Медведь требовал насыщения. Человек тоже был не прочь поесть. Медведь принялся выскикивать под ногами корешки и травы, способные хотя бы на время унять тянущую боль в желудке.

Гуго-человек не знал, что оно такое, Гуго-медведь расшвырял палые листья, чтобы выковырять из рыхлой холодной земли полупрозрачные мелкие луковицы. Они издавали резкий запах, зато таяли во рту сладкой волокнистой мякотью. Луковиц оказалось немного, но голод чуть отступил.

Медведь успокоился и отступил вслед за голодом. Человек смог оглядеться.

Он помнил этот холм в жёлто-красных листьях. Между сияющими кронами неслась ветреная синь. Было ещё тепло, но уже обречённо. Осень уходила.

Он как раз доедал ту самую корову. Вступать в дальнейшие сношения с людьми не хотелось. Человеку не хотелось вообще ничего, только забиться в угол, забраться в дебри, замести следы, свернуться в тугий ком и переждать. Медведь просто хотел тепла. По ночам у него мёрзли уши и нос. Мягкие подушечки лап коченели на побитой морозным утренником траве.

Поначалу он ел только ягоды да корешки, ловил рыбу на перекатах притоков Сю. Но когда лес обеднел, проблема встала в полный рост. Охотиться, оказалось очень непросто. Лесное зверье разбегалось, учуяв медведя. Оставались неповоротливые домашние. Гуго ещё какое-то время держался, пока от голода не начало шатать. Медведь исподволь занимал всё больше места в человеке. А однажды прямо на них выскочила отбившаяся от стада коза. После первого раза стало проще. Следовало есть, чтобы сохранить силу. Следовало оставаться сильным, чтобы зверь не взял верх.

Люди сообразили, что имеют дело с особо хитрым зверем, когда ни одна настороженная ловушка так и не сработала. Тут Гуго оказался чистым виртуозом. Он их не столько чуял, сколько угадывал человеческим умом и обходил, чтобы вернуться по собственным следам и подкараулить близ деревни очередной ужин.

Первую облаву он пересидел под носом у загонщиков. Хотя те всё делали по правилам, даже собак с собой взяли. Кто не знал, узнал: что матёрый волкодав, что пронырливый деревенский кабыздох не пойдут на медведя, если их с молочных зубов не натаскать. Собаки, только учуяв зверя, разворачивались и летели в деревню быстрее ветра. Вторая облава тоже прошла для Гуго удачно. А в третью, как раз после памятной коровы, его чуть не взяли. Но и тут он оказался хитрее: преодолевая сопротивление зверя, залез в тихую заводь и просидел в воде, выставив над поверхностью только ноздри, пока загонщики рыскали по лесу, да проверяли

ловушки. Кто-то из горе-охотников нашёл старый след и увёл облаву за собой. Гуго не стал нарываться, вылез из воды и по топкому берегу подался в другую сторону. Далеко забираться не стал, нашёл расщелину, обсох и забился в сумрачную берлогу, чтобы проспаться до весны.

На данный момент ни о каких ягодах мечтать не приходилось. Почки на деревьях только ещё начали набухать. Оставались корешки и рыба. Медведь потянул носом запах текучей воды. До неё оказалось не так далеко. Памятуя прошлогодние уроки, зверь осторожно ступал, выискивая признаки ловчей ямы. Гуго внимательно осматривал кусты и деревья, но что надломили неловкие человеческие руки, а что ветер и снег, разобрать ранней весной оказалось сложно. Впрочем, до воды он благополучно добрался и вволю попил. Невнятная талая муть в лужах жажды не утоляла. А тут – целый поток. Он глотал, и, кажется, даже в голове становилось яснее. Обманутый желудок ненадолго затих.

Он плохо помнил, как вырвался из крепости. Впрочем, вырвался, громко сказано. Никто его не запер. Бой во дворе шёл во всю. Удивительно, что его не зацепило шальное копьё. Люди, если и замечали пробиравшегося вдоль стены медведя, тут же о нём забывали. Гуго даже Катана увидел. Тайный министр командовал атакой. Мысль, кинуться к нему – припасть, так сказать, мелькнула и исчезла. В потрясённом мозгу зверочеловека явилась картинка, как неузнанный друг гибнет от руки друга.

Потом был бег по полям. Много позже, по привыкнов, Гуго вспоминал, как долго он скакал по открытой местности, пока не начались короткие переходы из перелеска в перелесок, блуждание по чащобам, схроны, лёжки...

Задыхнувшись и истратив все силы, он упал на берегу лесного ручья и дал волю ярости. Расстегнуть булавку он не мог, как ни пытался, даже просто зацепить её когтем не получалось. Прав оказался юный колдунёнок: не рекомендовалось людям превращаться в неодушевлённые предметы, а также в животных и птиц. Стань Гуго орлом, как того вроде бы требовало положение, свернул бы ему шею Арбай в один чих, пернатый даже не успел бы из одежек выпутаться. Хотя если бы вырвался, оставалась мизерная, почти фантастическая надежда вернуться... прилететь в столицу, опуститься на террасу дворца, дожидаться Тейт и...

Она бы поняла, она бы почувствовала. Только она! Все остальные представления не имели о трансформациях. Разве колдунёнок, да где он теперь!?

Почти там же где и Гуго. Только его похоронят в земле, а король, как в могиле, заперт в теле дикого зверя.

Он выл и глухо рычал. Лапы скребли землю, пока не ушли последние силы. Огромный чёрный зверь замер, опустив голову на подстилку из палой хвои. Слезы текли и текли, проделывая чёрные дорожки в шерсти.

Вопрос голода оказался не единственным. Уже почти с самого пробуждения Гуго ощущал некий позыв. Плоть напомнила о себе, когда он только напился воды, а когда наловил-таки рыбы и утолил первый голод, плоть обозначилась в полный рост. Весна, куда деваться.

Медведица ходила очень далеко. В воздухе едва реял флёр течной самки. И Гуго пошёл. Не пошёл, побежал, помчался. Человек на время отступил, даже вовсе ушёл на дальние планы. Восторжествовал зверь.

Лапы взрывали лесную землю, разбрасывая влажные комья. Хлюпали под ногами талые лужи. Мелкие деревца ломались или гнулись долу. Стволы мелькали по сторонам, а он даже усталости не чувствовал. Чувствовал только, как ходит на отощавшем за зиму теле взад-вперёд шкура со свалывшейся шерстью. Он шёл на зов.

Медведица оказалась небольшой, крепенькой, тоже отощавшей за длинную спячку, но уже насытившейся. В потоке призывного запаха проскальзывали нотки крови. Ей посчастли-

вилось в охоте. Повсюду валялись кости дикой свиньи. Где-то недалеко она зарыла остаток добычи. Но медведю в данный момент было не до того.

Инстинкт ослепил и оглушил. Гуго шёл напролом. Короткое ритуальное сопротивление его не остановило. Медведица попробовала огрызнуться на его непочтительность, матёрый только отмахнулся и тут же подмял её, взял силой, мощью, напором и желанием так, что она мгновенно сдалась.

Это продолжалось с небольшими перерывами, пока он оказался не вычерпан до доньшка. Она тоже устала и даже деликатно дала понять, что уже хватит.

Гуго был тут и не тут. Его захватила медвежья страсть. Он испытал все чувства от начала и до конца. И только удивился: до чего же похоже...

Бой, прорыв осады, захват города...

...наёмники лезут в пролом, стены. Дома застыли в ознобе страшного предчувствия. Пьяная кровь на мече. Закрытая дверь – только досадная помеха. Она падает под их натиском...

Сражение выиграно. Город на день становится добычей наёмников. Женщины... женщина... первая женщина в его карьере наёмника кричала и пыталась убежать. Он легко настиг её, сгрёб и подмял. Она была добычей, как и весь этот город. Она была его трофеем!

Просто – война. У неё свои законы. Никто не виноват. Так было. Выгорание боя можно, оказалось, погасить только этим насилием.

Не попадись ему тогда женщина, он бы продолжал резать всё, что дышало.

Это война – никто не виноват.

Он нашёл закопанные остатки дикой свиньи и съел. Медведица недовольно рычала, но отобрат не посмела.

Сытый медведь подался в глубину леса, даже не обернувшись. Мимолётная подруга осталась на поляне доигрывать свою весну.

«Кажется, май», – вяло подумал Гуго. Ему стало трудно мыслить. Всё время хотелось спрятаться на дальний план, отползти и не вмешиваться.

Тот кусок припрятанной свиньи оказался последней настоящей едой. Много дней медведь питался исключительно корешками и мягкими, не утоляющими голод клубнями, которые только обманывали желудок. За три недели, прошедшие с момента пробуждения, удачная охота случилась только раз. Он тогда разогнал семью диких свиней, успев прихватить маленького кабанёнка. Но тут уже самому пришлось спасаться. Из кустов на визг семейства вывалил здоровенный секач. Медведя уже шатало от голода. А хряк был вполне себе сыт и полон сил. Какое там выяснять отношения! Гуго побежал. Он к тому моменту так истощал, что сам себе казался невесомым. Поросёнка он нёс в зубах, захлёбываясь слюной и хриплым дыханием. Но ему всё же удалось оторваться от разъярённого кабана. Увы, поросёнок спас только на один вечер. Назавтра опять захотелось есть.

Возвращаться в места, где охотился прошлой осенью, Гуго не стал. Ослабевший и почти ослепший от голода медведь станет легкой добычей. Превозмогая нелюбовь к открытым пространствам, он пересёк неширокую равнину, которая тянулась с юга на север, разделяя долину Сю и центральные области. В лесном массиве по ту сторону тоже текли какие-то речки, но рыбы в них почти не водилось. Зверье, такое впечатление, кто-то специально распугал. А жевать зелёные побеги он уже не мог.

Среди сплошного леса стали попадаться обработанные поля. Медведь обходил их с осторожностью дикого зверя. Бывший наёмник, бывший король и бывший человек Гуго Реар отмечал запустение и скудость пашен. Из попавшейся по дороге деревни не доносилось ни бляения, ни мычания, ни даже противного до глубины души собачьего лая. Менее чем за год благополучная область, граничащая со столичной, пришла в полный упадок.

Всё! – дальше двигаться он не мог. Лапы дрожали. Медведь опустился на землю возле чистого ручейка, на дне которого ходили серебристой пылью мальки. Он зачерпнул воду, стараясь поймать хоть что-нибудь. Но ни одна рыбка не попалась. Они проворно удрали, оставив по себе только серебристый смех. Мелкая заводь быстро успокоилась. Гуго отчётливо увидел своё отражение, отшатнулся и закрыл глаза.

А надо ли ему сдерживать медведя? Зачем? Люди, да хоть те, которые его гнали и травили осенью, состоят из того же мяса, что и лесная свинья. Зато они не так проворны... да у них есть оружие. Но ему ли бояться...?

Что лучше: повиснуть на рогатине охотника, сойти с ума от голода или стать людоедом?

В первый момент показалось просто морок – видение усталого сознания, химера, подсунутая, находящимся на краю пропасти рассудком, который уже не полностью принадлежал человеку, а и умирающему зверю – тоже.

Через узкий лужок, покрытый высокой, очень зелёной травой пробирался мальчишка. Он что-то искал: раздвигая траву палкой, заглядывал под самые корни – по сторонам почти и не смотрел, исключительно под ноги. Обтрёпанные штанишки до колен, рубашка с братнего плеча великовата, рукава закатаны. Всё серенькое. И сам худой, с нездоровой детской худобой сорванца, скорее – недокормыша.

Медведь замер. Он даже не дышал. Он весь сосредоточился и подобрался. Одного удара лапой будет достаточно. Как он ни слаб, человеческому детёнышу хватит...

Сквозь наворачивающиеся слезы, сквозь голодную слепоту Гуго различал силуэт приближающегося мальчишки и понимал, что ничего не сможет сделать. Он не сможет остановить зверя. Он не станет его останавливать...

Перед ним стоял Сигурд. Его собственная уменьшенная копия. Его сын! Мальчик с синими, как позднее небо глазами. Ребёнок, который не знал, что такое отец, да так и не узнает уже.

Мальчишка заметил зверя, когда бежать уже было поздно. Чёрная костлявая гора выросла перед ним и заслонила свет. Мальчик замер. Рот открылся, не исторгая звука.

Гуго отчётливо видел бескровные детские губы и розовый язык...

Красная пелена заволокла мир. Медведь качнулся вперёд. Человек, собрав остатки сил, встал на его пути.

Вспышка! Глаза мгновенно перестали видеть. Мир рухнул во тьму.

Тело было совершенно чужое. То есть, Гуго понимал, что оно есть, но его не было. Полное онемение. И муть, в которую вдруг образовалось тёмное пятно, постепенно превратившееся в совершенно незнакомого мальчишку с зарёванной физиономией.

– Дядька! – захлёбываясь слезами, выл пацан. – Дядька, ты медведя прогнал?

Рука сама потянулась к лицу. Гуго даже не сразу понял, что именно рука, а не лапа. Понял и усталился на худую грязную кисть, покрытую чёрными мозолями.

– Дядька, а медведь убежа-а-а-л?

Пацанёнок ревел в голос. Гуго сам готов был зареветь. Поляна колыхалась перед глазами. И почему-то мёрзла спина.

А чего бы ей и не мёрзнуть? Король сидел на бережку лесного ручья совершенно голый – понятно, что грязный, но ещё и заросший непроходимой бородой до самых глаз. Мальчишка тем временем подобрался совсем близко. Рядом с взрослым, прогнавшим медведя, было не так страшно. Гуго заметил у него на боку короткие ножны. Руки слушались плохо, но до рукоятки детского шабера он дотянулся и вытянул клинок. Пацанёнок заверещал, будто придавленный заяц. Но Гуго уже не обращал на него внимания.

Булавка за год вросла так, что пришлось сначала нашаривать её под кожей. Нашёл и без колебаний полоснул вдоль. Лезвие скользнуло по металлу. Боль оказалась такой сильной, что

на какой-то миг даже помрачилось сознание. Но разве какая-то боль могла стать помехой для человека, победившего в себе зверя?!

Булавку он вытащил. Жилы рвались со звоном, будто струны. Пальцы оскальзывались. Он больше всего боялся её потерять. Казалось, чуть отпусти, и хитро изогнутая железка уйдёт вглубь. Но он её вытащил!

А расстегнуть не смог.

Так и сидел, глядя в раскрытую ладонь.

– Ёршик! Ёршик! Ёршик, отойди от него. Ты кто?! Эй, Ёршик, что он тебе сделал?

Прямо в глаза Гуго метили острия вил. Точно против зрачков. И близко– близко. Только дернись, вопьются и уже навсегда погасят свет, а то и жизнь.

– Тятя, дядька медведя прогнал, а потом у меня ножик отнял и давай себя кромсать. Тятя, он медведя прогнал! Он ножик не отдаёт.

Пацан довольно быстро оправился от испуга и докладывал обстоятельно, хоть и нервно. Отец не обращал на его заявления никакого внимания. Шутка ли, поймать совсем рядом с деревней лесного брата.

Их же развелось точно моли в старой шубе! Что ни месяц, а то и неделя, жди набега. Деревню успели обнести каким никаким забором, женщин за него не выпускали, мужики выходили по двое, трое – скотину там попасти, хвороста набрать, трав... а чего он вообще рассуждает? Приколоть поганца на месте, и дело с концом.

Но поганец не рыпался, не кричал, своих не звал, только смотрел в глаза своего палача, да редко моргал. Ножик валялся в траве. Он его даже не поднял. Бок уroda всюю залило красненьким.

– Тятя!

Мальчишка повис у отца на руке. Острога дёрнулась. Урод только того и ждал, поднырнул головой, перекатился и обнаружился уже за мелким пригорком. И нипочём, что бок разворочан. А грязный и смрадный-то! Как есть, лесной брат.

– Чучело несмышлёное, – заругался отец. – Как мы его теперь брать будем? Уйдёт!

– Тятя, он медведя прогнал. Тот на меня кинулся, а этот встал. Тятя!

Видать, не только у Гуго в голове мутилось. Превращение медведя в человека мальчишка не увидел или не осознал. Но в подвиг лесного человека уверовал, в чём сейчас пытался убедить отца. И тот, кажется, поддался. Острога развернулась копыями в землю. Мужик злой-то-злой, да пацанёнка всё же услышал.

– Чё ты брешешь, какой медведь?

– Про которого дядька Карпий говорил. Чёрный. Он тут лежал. Гля, следы.

Старший сторожко шагнул, наклонился, впрочем, не теряя из виду лесного урода.

– От, есь, перемесь! Точно следы. И куды медведь девался? По воздуху улетел?

– Прыгнул, наверное, – неуверенно сообщил младший.

– Мог, – подумав, согласился старший. – Что мог, то мог. В ручей хоть. И следов не оставил. И с собаками не найдёшь. От ведь подлый зверь. Нам только медведя не хватало. Я чайл, Карпий брешет, как всегда.

А далее на мужика навалилась думка. Одним глазом он смотрел на лесного человека, другим в себя. Отпустить? Да как отпустишь! С собой вести? Вообще не знаешь, чего от него ждать.

– Эй, – наконец решился старший, – ты кто таков?

Человек, – хотел сказать Гуго. После череды волшебных превращений это было самым с его точки зрения главным. Хотел-то, хотел, да только не смог. Место слов из горла вырвался полурёв, полустон.

– Ты что, немой?

Урод опять взревел, но рык быстро перешёл в мычание.

– От привела нелёгкая! Что мне с тобой делать? Ты слова-то понимаешь?
Ничего не оставалось, и Гуго просто кивнул.

– О, понимаешь. Подь сюда. Если драться полезешь, я тебя мигом вилами приколю. Ёршик, отвяжи у меня с запояски веревку. Я тебя развязанным в деревню не поведу. А не хошь, иди, гуляй себе по лесу дальше. То-то смотрю, рёбра торчат. Оголодал?

Гуго опять кивнул. Пусть его свяжут, пусть хоть проволокут до деревни. Только к людям!

Сарай... А где ещё держать лесного урода? Не в горницу же его поселять! До деревни отец Ёршика тащил Гуго на верёвке. Оказалось трудно с непривычки идти на двух. Тело норовило опуститься на четвереньки. Пару раз король падал. Мужик не понуждал, ждал, когда пленник поднимется сам. Добрый человек!

Спрятавшаяся за высоким тыном деревня высыпала на улицу мало не вся. Дивились, тыкали пальцами, спрашивали, как поймал урода, да что собирается делать. Настрой поселян оставлял желать лучшего. По всему люди натерпелись от набегов лихих людей. Но когда Пенкарий доказал, что человек сей дикий его сына, то есть Ёршика, от медведя спас, народ чуть пообмяк. Добро к добру идёт. У Пенкария и так дом не из последних. Корова даже есть. На всю деревню три осталось. Остальных – то сами поели, то находники угнали. А Пенкарий себе ещё и работника из лесу приволок. И видно – смирный. Не кричит, не кидается. Хотя рожа уж больно страшна. А худой!

Гуго шёл себе и шёл. Что голый, так не впервой. Приходилось уже. Выводили его как-то на лобное место в полнейшем неглиже, то есть без оного. Выводили, дабы произвести усекновение мужского естества. Ратуйте, люди добрые, осквернителя на казнь ведём! Мужская половина зевак добросовестно ратовала, женская находилась в задумчивости.

Гуго тогда послали в разведку. Его отряд производил осаду требуемого нанимателем городка по всем правилам. Производил, производил, да всё мимо. Стены стояли себе. Жители городка даже с некоторой ленцой отбивались от наёмников. Особого урона никто никому пока не нанёс. Командиры знали про сеть катакомб, растянувшихся на несколько миль вокруг городка. Предполагалось, что по подземным коридорам поступает продовольствие. Следовало выкрасть из дома мэра план катакомб.

В дом он пробрался, а дальше всё пошло наперекосяк. В кабинете мэра, где полагалось находиться карте, хозяин на столе разложил девчонку и пользовал по-полной. Слуги, понятное дело, подглядывали. Гуго метнулся в одну сторону – спугнул охрану, метнулся в другую, и аккуратно попал в спальню мэра. Слишком молодая для старого сатира хозяйка противу ожидаемый шум поднимать не стала, а только для приличия закатила глазки, вроде в обмороке. По коридорам метались стражники. Выбирать не приходилось. Если Гуго тут застукают, может, и отбросится, дескать, любовь у него. Пришлось соответствовать избранной легенде. Он даже увлёкся. И всё бы обошлось, да в спальню в самый неподходящий момент прокрался штатный любовник хозяйки. Он и поднял шум. Гуго объявился чужестранцем до умопомрачения влюблённым в даму. Оружия при нём не нашли, подопрашивали, разумеется, но он стоял на своём. Тут ему и присудили усекновение мужских признаков.

Что значит – молодость! Он бы остался верен клятве наёмника даже под ножом кастра-тора. Честь дороже! Обошлось... Его ещё не довели до помоста, на котором производились экзекуционные мероприятия, когда на стену города, поголовно сбежавшегося смотреть казнь, по приставным лестницам не очень даже торопясь взобрался его отряд. Лобное место окружили вооружённые до зубов наёмники. Городская стража вкупе с охраной мэра тут же сложила оружие. Недоусекновенного Гуго произвели в результате в командиры отделения.

Сарай – щелястые стены, пыльный свет, сквознячок, обдувающий тело. Сено. Мягко, душисто, спокойно. Корова жевала за перегородкой. Вздыхала по-бабьи.

Гуго заплакал. Почти год он прожил в шкуре зверя. Какое-таки счастье вновь чувствовать себя человеком. Пусть ущербным. Пусть, каким угодно, но человеком!

Пенкарий принёс миску каши. Гуго сглотнул её в один дых. Хозяин хрюкнул и принёс ещё. Вторую миску Гуго смаковал. С тем его и оставили, чтобы на завтра вывести из сарая и приставить к работе.

А ничего другого и не ожидалось. Король схватился за простой крестьянский труд, впору останавливать. Пенкарий начал осторожно радоваться своему везению. Шутка ли: в семье одни бабы – жена и три дочери-подростки. Семилетний Ёршик не в счет. Что он может, разве гусей пасти. А тут – мужик в полной силе. Но оно, всяко, присмотра требовало. Вот хозяин и ставил его рядом что на пашню, что на другую работу. Где и подсказать. Мужик оказался не сильно сведущ в крестьянском деле. А уж изрезан да исколот! Вся грудь в рубцах. А один так вовсе – будто его напололам рвали. Стало быть – наёмник.

Пенкарий родился тут, тут прожил всю не такую уж короткую жизнь. В столицу приходилось несколько раз наведываться. Он ещё ярмарки помнил, которые бывший Алекс устраивал. Потом уже при нынешнем короле, который тоже уже бывший, ежегодно на зимнюю ярмарку возил зерно, овощи, поздние яблоки – поднялся, зажил. Да только всё хорошее почему-то быстро кончается. Погинул король Гуго, и стало в стране плохо, как даже при прежнем Алексе не бывало. Что ни месяц, на деревню набег.

Лихие люди в первый раз сильно позорили. Но народ тут жил упорный. Сдаваться просто так никто не хотел. Поставили вокруг селища высокий тын, благо лес кругом, – деревья сколь хошь – стали отбиваться.

Так он себе думал, раскорчёвывая ближнюю поляну. Немтырь, который только и мог, что мычать да рычать – тут же. Отъелся немного. Мясо на костяхросло. Вдвоём они поддели длинной дубовой вагой пень, подналегли и тот зашевелился, полез, обрывая корни. Хрясь, пень вырвался из объятий земли. Теперь следовало обрубить торчащие во все стороны отростки, обвязать комель и утащить на край поляны. Туда они уже принесли несколько выворотней. К зиме их перевезут в деревню. Сколько той зимы, а дрова такие нужны – дом обогреть, пищу приготовить. В непогоду лишний раз в лес идти неохота. Пенкарий с лета о зиме думал. Тот у него и дом был справный.

Крик сойки застал их за обвязыванием. Только Пенкарий придумал, как верёвку пропустить, чтобы обрубки особо не мешали – она тут как тут. Скрипучий голос противнущей птицы разнёсся на весь лес. Какая тут верёвка. Шабаш, чужие на подходе! В этот раз сойка кричала особенно долго. Значит, их много.

– Бросай работу, – крикнул он Немтырю.

Тот поднял голову, непонимающе захлопал глазами.

– Бросай, говорю. Набег. Давай, в деревню. Ворота бы успеть затворить. А там, как Великие Силы да помогут.

По дороге они ещё задержались у высоченной сосны, которая тут неизвестно откуда произрастала в полном одиночестве. Сосновые боры начинались много севернее. А эта тут вот родилась и выросла. Среди мохнатых лап на вершине была устроена люлька, в которой с рассвета до заката сидел наблюдатель. Туда отправляли больше мальчишек. Но и девчонок приходилось, которые лазать по деревьям не боялись. Сегодня случилась очередь младшей дочери Пенкария. Это она дудела в специальный манок, изображая сойку. Дождались, пока девчонка спустится по верёвочной лестнице и побежали. А находники оказались уже совсем близко – голоса, выкрики, хруст валежника под ногами. Пенкарий и Немтырь припустили, а девчонка отстала. Надо бы обождать, да только отец рассудил, если задержатся, всем погибель. Бандиты на пятки наступали. Пенкарий и рванул, что есть мочи. Девчонок у него три. Если с этой... так ещё две останется. Рвануть-то рванул, да только Немтырь его обогнал. И не один. Он нёс девчонку на плече, как волки ягнят носят. А бежал легко, будто порожний.

Пенкарий их уже возле ворот догнал, створки запахнул и заорал, чтобы Немтырь помог брус в пазы заложить. Тот девчонку бросил, легко поднял трёхпудовый брус и кинул в кованые петли. Погоня разбилась о тын. Растеклась. Стало слышно, как они шелестят вокруг, наискивая слабое место. Да только не было таковых.

По шуму, доходящему из-за тына, находников казалось не так уж много.

Человек десять-двенадцать. А с другой стороны, что может дюжина оружных сделать с мирной деревней? То-то! Сиди да держи наготове косу или молот, на случай если прорвутся. У Пенкария даже меч был, в прошлом набеге добытый. Тогда и вовсе негодящие бандиты пришли. Полуживые от голода, пять человек. Деревня их задавила. Никто из своих не пострадал. Пенкарию вот меч достался, как он первым из ворот выбежал, и давай находников косою крошить.

Нонешняя ватага оказалась хитрее. Уже через малое время между затёсанных верхушек забора показалась кудлатая голова. Видать, они лестницу с собой несли. Ах, вы так! Пенкарий опретью кинулся в дом за охотничьим луком.

Первая стрела ушла в небо. Вторая ударила в бревно. Стрел осталось всего ничего. Немтырь вдруг твёрдой рукой отобрал у Пенкария лук, натянул тетиву и пустил стрелу точно в бандита, который уже спрыгнул на эту сторону и кинулся к воротам открывать. Следующая стрела тоже попала в цель, и ещё одна. Больше никаких голов над тыном не наблюдалось. Бандиты сообразили, что так по одному их перестреляют, как перепёлок, и собрались у ворот. Створки затряслись. С той стороны в них били тараном.

Простые ворота это вам не крепостные, в которые стучи не стучи бревном, только огребёшь горшок кипящего масла на голову. Деревянные плахи недолго терпели, быстро начали отскакивать по одной.

Деревенский люд переминался по сю сторону в ожидании атаки.

Да только Немтырь не стал дожидаться – первым поперёд Пенкария влетел в сарай и схватил косу. А хозяин тут и рассудил, как лучше: заорал, чтобы тот отдал косу ему, а сам вынес из дома меч. Немтырь аж ослабил. А в руки взял, как вросло – точно наёмник.

Они из дому выскочили, а тут и ворота встали нараспашку. Находники, как ворвались, так толпой и поперли на горстку поселян, вооружённых кто чем. И у самих оружие не очень, однако, короткие мечи у двоих имелись.

Всего их оказалось человек восемь. Оборванные, худые, но ещё проворные. Значит, не совсем оголодали, это когда уже не ходишь, а ползаешь, не замахваешься, а вяло ручкой делаешь, вроде напугать. Может, в других деревнях такое и проходило, да только не у них.

То, что случилось дальше, ввело хозяина и остальных поселян даже в некоторую оторопь. Немтырь, найда лесная, вдруг выбежал вперёд, и давай мечом махать. Да так ловко у него получалось, что в миг все до одного находника оказались кто мёртвый, а кто уже почти. А там он и за ворота высигнул. Народ, конечно, за ним. В поле всего-то и нашлись двое чужих. Один метнулся в лес. Другой ничком пал на землю. Прыткого Немтырь нагнал и зарубил.

Что деревня обрадовалась – ничего не сказать. Это же надо: малой силой, от такой беды отбиться! Трупы оттащили к тыну. Живых положили отдельно, но понятно, никто за ними ходить не станет. А ты не воруй! Такое дело: если кто сам выживет, до веку будет в деревне на самых тяжёлых работах.

Который в поле ничком пал, оказался не мёртв и даже не ранен. Пенкарий, заподозрив каверзу, подошел к нему с ножом, намереваясь докончить, что Немтырь не доделал. Да только тот воспрепятствовал. Это ещё чего? Однако лесной урод оттянул воротник небогатой рубахи пленника и показал селянину ошейник. Стало быть – раб. Тащили его за собой. Вона и верёвка! Точно раб. И руки оказались связаны. Не случись помехи, зарезал бы Пенкарий человека, и рука не дрогнула.

Дальше больше: Немтырь взвалил его себе на плечи и перенёс в сарай, где сам квартировал. Ишь, – повело хозяина, – раскомандовался! Но как рот открыл окоротить зарвавшегося работника, так и захлопнул. Тот стоял над беспмятным рабом с мечом в руках, вот и повозмущайся тут. Пенкарий заругался, но вспомнил, что его дочку Немтырь на себе от верной смерти унёс, и только рукой махнул. А потом рассудил: ладно, что вгорячах дров не наломал. Немтырь-то вон чего... а в дому ещё один работник прибавился.

Звёзд в небе оказалось намного больше, нежели Гуго когда-либо видел. Вот так вот жил, смотрел изредка в выси, наблюдал мигания далёких, не всегда добрых глаз и думал, чего это их так много. А оказалось, их ещё больше. Звёзды обступили крышу сарая, или даже облепили. После холодного дождя что ли воздух промыло, и небесные россыпи явили себя во всем полном подавляющем великолепии, сиянии, мерцании, свете и сверкании.

Самое время! Только и дел, что сидеть на крыше сарая и любоваться небесами, пока королевство катится в тартарары при твоём непосредственном попустительстве.

Когда Гуго увидел в поле рыжего колдушёнка, в первый момент глазам не поверил. Во второй – тоже, но резать парня не позволил. Хоть Пенкарий, хозяин строгий, не сказать, жестокий – и намеревался. А когда под истрёпанной рубахой с чужого плеча нашлась деревянная не то дудочка, не то палочка на гайтане, Гуго вовсе чуть от радости не запрыгал.

Кысмет! Или хасмат. Так говорят в иных местах, обозначая рок. Слово, как закругленный с одной стороны серп с острым концом, всегда направленным в сердце...

Гуго тряхнул головой. На рассуждения потянуло. Не иначе от радости. Вот придёт парень в себя... и что дальше? Ну – придёт. Объяснить ему всё равно ничего нельзя. Зато можно показать булавку. А вдруг новообретённый старый знакомец ту булавку ухватит и рванёт с ней по долам и весям. Он, помнится, очень уж мечтательно о ней тосковал.

От конька крыши к краю вела узенькая доска с набитыми поперечинами. Спускаться в темноте, несмотря на небесные россыпи, таки ночь на дворе – пришлось очень осторожно. Ещё не хватало свалиться и перебудить чад и домочадцев Пенкария. Хорошо, собак у того не имелось. Деревенские шавки встретили явление Немтыря из лесу таким визгом, воем, рыком и лаем, будто строй медведей по деревне шаг печатал. Уже сколько времени прошло, а они всё равно положились, когда Гуго мимо шёл.

Распростёртый на соломе Анхель-Иолантис то ли крепко спал, то ли пребывал в беспмятстве. Пока все попытки привести его в чувство результатов не дали. Гуго брызгал на него водой, тряс, тёр уши. В ответ один раз парень невнятно забормотал. А так – вообще ничего, будто кукла тряпичная.

Гуго запалил лучинку, предусмотрительно втиснутую в светец над бочкой с водой – если догорит без присмотра, так и свалится огарок в воду, не устроив пожара. А гореть было чему. Хозяин с прошлого лета ещё сена навалил. Видимо, скотины было много. Куда та скотина делась, оставалось гадать, а сено сохранилось. Гуго подгрёб охапку в угол, где квартировал на старом коврике. Подстилку сердобольно кинула жена Пнкария, за что получила затрещину от мужа. Но не за расточительство, а за то, что без спроса. Домашним вход в сарай был заказан. В общем-то, правильно.

Иолантис лежал на сене, дышал еле-еле и как-то в полдыха. Гуго решительно начал стягивать с него одежду. Если голова цела, ещё не значит, будто нет другой беды.

Торчали ключицы. Влажную холодную кожу покрывали мелкие пупырышки. Рёбра выпирали, как у старой клячи.

Давно когда-то в королевских покоях висела картина. Маленький Гуго дивился слову «гравюра». Старый конь. Тоненькие линии печально огибали впадины просевшего хребта и провалы между ребрами. Казалось, конь выдохнул весь воздух, а вдохнуть не смог. Было страшно жаль старое животное.

Гуго король искал потом эту гравюру, но она пропала. Да о ней никто кроме него и не помнил.

Рубаха расплзлась под пальцами от ветхости. А ещё воняло, хоть нос затыкай. Источник запаха обнаружился слева под мышкой. Там зияла рана со скользкими белесыми краями, из которой сочился зеленоватый гной.

Именно туда попала стрела, когда Иолантис творил пассы, чтобы мальчик по имени Сигурд мог пройти по краю стены. А это вам не свежая рана, которую любой наёмник перевяжет в один чих. Такие раны Гуго не попадались, и что с ними делать, он не знал.

Заскрипела дверь. На пороге встал Пенкарий. Услышал-таки, как Немтырь лазил на крышу, и пришёл проверить.

– Помират? – спросил мужик, наклонившись к больному. – Помират, – сам же себе и ответил. – Тогда зачем его за собой тащили? Сам подумай, – обратился, он к работнику, будто тот мог ответить, – зачем доходягу за собой водить? Кормить же ещё надо. А может, как раз его и не кормили. Ишь, тощий какой.

Гуго кивнул на рану в боку.

– А! Тудыть её! Надо тётку Проклу звать. А зачем? Она с меня денег возьмёт, а может, и не вылечит. Не, не с руки тратиться. Всё одно, помрёт.

Сам говорил, а сам смотрел, что станет делать Немтырь. А того будто в узел завязали: скорчился, собрался в комок, вот-вот выстрелит, как пружина у арбалета. Но вдруг, будто судорога по нему прошла, расслабился, встал на колени и смиренно приложил руку к сердцу, вроде как просит.

Пенкарий не был особо скаредным, просто, как любой крестьянин, деньгам счёт знал. А в последние лихие времена и припрятать лишний грошик не мешало.

– Не, – мотнул головой хозяин. – Не с руки мне. Сам к Прокле иди. Авось, пожалеет.

Тело доходяги Иолантиса оказалось не таким уж лёгким.

– Куда?! – завопил Пенкарий, когда Немтырь взвалил парня на плечо и двинулся к выходу.

Ответом ему стало рычание, возразить против которого хозяин заробел. Вообще, помстилось, будто к нему обернулся не заросший дремучим волосом человек, а чёрный медведь – рявкнул и пошёл себе, ночь, полночь, какая разница?! Осталось плюнуть и отступить. Останова такого.

Прокла жила где-то на отшибе. А как же иначе! Сроду лекари селились поодаль. Зачем лишние глаза, зачем праздные уши? Что увидят, что услышат, не поймут. Или поймут по-своему, истолкуют задом наперёд, как подскажет дремучая темень в голове. И гореть дому ведуна вместе с сушёными травами и лягушками. Ишь! Извести мою скотину хотел...

Гуго видел в темноте плохо, да ещё быстро устал: тело пока не набралось прежней силы. Шёл одной упрямой волей, даже не зная точно, дышит ещё колдушонок у него на закорках, или уже всё. Когда оказался на задах деревни, за гумном, за дальними овинами, понял, что заблудился. Захотелось взвыть. Силы, где вы? Где взять воздуха, который только колется в груди, а не даётся. Где эта клятая лекарка? Куда могла запропасться её землянка? Леший её утащил?!

– Руку дай.

Голос прошелестел, будто из самого средоточия мрака, из какой-то тёмной кудели. Гуго сообразил, что глаза закрыты. И эта самая кудель ему мерещится. Глаза открыл и увидел перед собой женщину. Вернее, неясный силуэт. Но послушался.

Рука оказалась неожиданно твёрдой. Сухая ладонь ухватила его за пальцы и потащила, только ноги успевай переставлять, да следи, чтобы колдушёнок головой об забор не цеплялся.

Дом у Проклы оказался не таким уж маленьким, если только тьма не шутила свои шутки. Последние шаги дались кое-как. Колдушёнка Гуго почти что сбросил на топчан, и привалился рядом.

– Посвети мне, – попросила Прокла.

Не приказала, не крикнула, как вроде должна вести себя разбуженная среди ночи ведьма. Именно, что смиренно попросила. Уже слегка отдышавшись, Гуго перенял у неё глиняный подсвечник с толстой свечой и поднял повыше.

Он, пока бродил в темноте, представлял себе лекарку старухой с седыми космами, с запавшим ртом и крючковатым носом. А оказалось: женщина одних с ним лет с тонким усталым лицом и ловкими руками. Она сама без посторонней помощи так переложила парня, что рана оказалась вся перед глазами. Большая, наверное, в полпальца шириной, осклизлая. Запах о себе напомнил тут же, как открылись края, и потёк гной.

– Плохо. Ты речь понимаешь? – обернулась лекарка к Гуго.

Тот кивнул, поднял свободную руку и перевернул большой палец вниз. Умрёт?

– Знать бы, что с ним случилось.

Гуго очень похоже оттянул тетиву невидимого лука. Лекарка кивнула.

– А когда?

И вот попробуй, объясни... Гуго выхватил из холодного очага уголёк и написал на стене слово год. Прокла только беспомощно пожалла плечами. В попытке объясниться Гуго открыл рот, но исторг только рычание. Прокла вдруг махнула рукой.

– Ты кивай. Давно в него стрела попала? Месяц? Нет. Полгода? Нет. Меньше? Больше? Год? Ой, плохо. Если за это время не умер и не выздоровел, значит, наконечник там. Надо вытаскивать. Ты одной рукой держи свет, а другой ему ноги. Он вроде в беспамятстве, а как станет больно, начнёт биться, себе навредит.

И всё это будто уговаривая.

Хитро изогнутая толстая проволока прокалилась над пламенем и остыла. Ведунья приложила кончик себе к руке, после чего осторожно начала шарить в ране. Колдушонок дернулся и застонал. Гуго показалось, что внутри у того что-то звякнуло. Так и есть. Проволока зацепила наконечник и потянула. Тут уж пришлось налечь на парня всем телом. Того выгнуло дугой. Заорал, захрипел, зашёлся булькающим кашлем.

– Держи! – крикнула Прокла и дёрнула на себя проволоку. Та выскользнула из раны, а вот наконечник застрял. Женщина ловко подцепила его концом инструмента и вытянула-таки наружу. Следом хлынул зловонный гной и кровь. Много крови. Тело парня дёрнулось последний раз и замерло.

Гуго чуть не взвыл. Показалось, будто всё – конец. Лекарка, однако, рук не опустила, схватила со стола длинную полосу ткани, макнула в горшок с каким-то варевом и начала записывать в рану, туго забила её так, что кровь перестала сочиться, и только тогда отступилась.

Сердце Иолантиса стучало мелко-мелко. Но стучало.

Пока.

Гуго привалился к стене. Усталость скрутила такая, будто камни ворочал. Хозяйка тоже присела. Руки её мелко дрожали. Вроде плёвое дело – проволокой пошуровать, а высало до доньшка!

– Ы-ы-ы? – попытался задать вопрос Гуго.

– Не знаю, – пожалла плечами Прокла. – Истощал сильно. Лечили плохо, били. Не знаю. Накрой его одеялом, вон лежит. К утру отойдёт – выживет.

Хозяйка ушла в дальний угол. Там у неё стоял ещё один топчан. Она недолго повозилась что-то приговаривая, свернулась калачиком, натянула на плечи одеяло и затихла. А Гуго остался над умирающим Иолантисом.

Уходила надежда – единственный человек, который мог бы ему помочь. Гуго нащупал под одеялом безвольную холодную руку парня.

Выживи, я тебя прошу! Великие силы, помогите ему! Помогите ему, Небо!

Под утро, уже на рассвете, навалился тяжёлый, как замшелый валун, сон: хоть пальцами глаза держи. Гуго почему-то казалось, как только он уснёт, парень перестанет дышать. Вот и сидел, тарашась в серый сумрак. В окошке засветлело. По полу пробежала мышь. Далеко в деревне заголосил петух...

... рукав белой полотняной рубахи двигался как бы сам по себе. Руки в нём не было. Вообще тела в рубахе не было. Но она жила, шевелилась. Рукава разлетались и вздёргивались. Больше того, Гуго точно знал, кто в ней. Знал и ненавидел. Рубаха вдруг пошла винтом, взвихрилась и полетела выше и выше к небу и дальше по синему полю – чайкой...

Страх подбросил Гуго. Он проснулся, понимая, что дал слабинку, прозевал и ничем уже не помочь.

Худой, как весенний суслик, Иолантис лупал глазами и бессмысленно улыбался. В дальнем углу колодой спала уставшая Прокла.

Жизнь продолжалась.

Глава 2

– И что мы тут делаем?

– В данный момент?

– Вообще. Я хочу знать, за какими демонами мы сюда притащились?

Хорошо, что над головой полоскался навес, иначе дурное солнце уже прожгло бы в их головах дырки. Лекс в просторной белой тоге возлежал на широком цветастом ковре, Энке метался по пространству, ограниченному тенью, и бушевал.

Вокруг простирался порт. С одной стороны сияла бухта, обсыпанная мелкими зелёными островками, посередине которых торчали причудливые скалы, с трёх других – людское кишение. Тюрбаны башенками, тюрбаны тыковками, пагри, дастары, банданы, головные накидки, ещё какие-то кундюкалки – призванные служить головным убором, и всё это самых разнообразных цветов. Дхоти, лунги, чудридары, шальвары, паджи... Пространство, кроме того, вмещало в себя огромное количество коров, коз, кур и прочей мелочи. И ни одной женщины. Зато грязь по истине мифологическая!

Друзья прибыли в Ваджамандрипур накануне поздно вечером. Морем. И переход-то был всего-ничего – дней десять – но качкой, отвратительной едой и душной сыростью вымотал до невозможности.

Шаланда бросила якорь в виду берега. Мгновенно образовавшаяся ночь залила пространство китайской тушью. Знакомцев в городе ни у того, ни у другого как-то не случилось, вследствие чего они остались ночевать на судне, привычно скрючившись в гамаках, чтобы утром, прихватив пожитки, сойти на твердь.

Лекс шествовал, придерживая полу белой тоги. Одетый в короткие штаны, Энке шлёпал за ним, взвалив на плечо баул с манатками.

Весь морской переход Лекс простоял на четвереньках над клюзом, а Энке – соответственно, над товарищем. Оба извелись. Один от морской болезни, другой от беспокойства.

Раньше такого с Лексом не случалось. То есть, любая качка была нипочём. Сказалась травма: три месяца полного беспомыслия, потом три – неподвижности, и полгода медленного выздоровления.

Он заново учился всему: есть, пить, говорить и ходить. Пока однажды не понял, что если не уйдёт в первый попавшийся поиск, сойдёт с ума от пустоты. Была работа, было подчине-

ние смыслам, он пустоты не чувствовал. Не стало работы, навалилась тоска. Иногда ему казалось, что он уже никогда не сможет войти в переход, но так же точно он знал, что попытается. Пусть попытка окажется фатальной. Лучше полное ничто, нежели выхолощенное существование калеки.

Махатма Мита его почти даже и не отговаривал. Прикинул что-то, потёр ладошки, приложил ко лбу своего любимого ученика и сказал: «А давай! До пункта назначения всего один короткий переход, потом неделька морем, потом с месяц в джунглях, и можно возвращаться». До перехода проводил лично и лично убедился, что Лекса в нём не зажевало. И такое случилось. Кто ж знал, что в пути его скрутит морская болезнь? А хоть бы и знали, Лекс бы всё равно пошёл.

До прибрежной деревеньки на Шри Ланке, в которую Манус Аспер попал напрямиком, можно сказать, из больничной палаты, Энке добирался другой дорогой. Ему при Лексе разрешили оставаться, только пока тот находился в полной беспомощности. Дальше терпеть энергетическую аномалию в Горних высях не стали, и джинну вежливо указали на дверь. То есть, иди, и не просто иди, а по вектору. Видишь тихий мирок, всё там благостно, всё замечательно! Людей нет, даже сухопутных животных никаких. Мир в начале творения. Одни рыбы в воде плавают. Зато и воды и рыбы много. Не хочешь? Махатма Мита сочувственно покачал головой: тогда тебе одна дорога – учиться.

Так и определили вольного джинна в студиозусы. Ослушаться он постеснялся. А потом, интересно же. Чего только с ним не бывало за последние... ну, в общем, давно, а вот учиться пока не приходилось.

Лекс на Шри Ланку явился в белоснежной тоге, Энке в пёстрых коротких штанах и широкой мятой рубахе. Такое впечатление, его выдернули прямо с вечеринки, не исключено, вообще, из постели. Голову Лекса покрывали короткие все в проседи кудри, бритая голова джинна оказалась раскрашена цветными квадратиками.

– Это где у нас так носят? – озадачился Лекс, тихо сотрясаясь от хохота.

– Я туда больше не вернусь, – буркнул Энке и даже зубами прищёлкнул.

Не стоило расспрашивать. Если джинн находился в подобном настроении, даже Лекс не рисковал лезть ему в душу, или что там у джиннов? В общем, в ту тонкую субстанцию, которая у Энке без сомнения наличествовала.

Каменистый берег у самого уреза волны рассыпался песочком. На верёвках болталось цветное тряпье. Вокруг сновали полуголые эбеновые жители, больше похожие на африканцев. Один, пробегая, застрекотал быстрой скороговоркой, из которой следовало, что судно отходит, и если тупой белый червяк не поторопится, он будет гостить на их прекрасном побережье до следующий луны. Лекс подхватил небольшую сумку, Энке хмыкнул и подхватил самого Лекса.

Помесь фелухи и коча болталась в прибрежной волне. Начиная прилив, матросы уже схватились за трап. Рёв джинна остановил приготовления. Мелкие шоколадные людишки с уважением отнеслись к явлению гиганта и дождались, пока путешественники взберутся на борт. Судно отвалило от берега, прошло полосу невнятной ряби, тут-то и началось.

А это вам океан! Поговорить за всю дорогу толком не получилось. Энке только понял, что командировка Лекса санкционирована Сверху, и что сам джинн тут находится полулегально. То есть пребывать может, а хулиганить пусть поопасится.

На вопрос, где найти постоянный двор, матросы, все, как один, безнадежно замахали руками. Никакого другого ответа друзья не получили. Спустившись на берег, Лекс, перебрал в голове пяток местных наречий и обратился к первому попавшемуся аборигену. Но тот шараялся, будто они прокажённые. Это наводило на мысль: не случилось ли тут поветрие? Однако выглядели местные жители вполне здоровыми. Вдалеке, в устье Ямуны, грузилась барка. Судно

уже так просело, только не черпало бортом. Рядом копошилась большая чёрная свинья, которая при ближайшем рассмотрении оказалась слонёнком.

Они бы прошли мимо харчевни, да Лекса за руку втащил под навес зазывала. Он безостановочно тараторил, расхваливая свою стряпню. Послушать, под драным пологом нашли место все яства побережья, дельты Ямуны и плата Декан. Они и соблазнились.

Зазывала стал первым аборигеном, который не шарахнулся от них, а совсем даже наоборот. На поверку оказалось, что кормят пресными жирными лепёшками, в которых количество муки и перца было примерно одинаковым. Соус, вообще, состоял из чистого огня. Зато к лепёшкам полагался чай. Его то и пили. Энке свой кусок огненной стряпни умял. Лекс из вежливости клюнул и отдал другу. Тому, понятно, всё нипочём – слопал и не поморщился.

– Так что мы тут делаем? – в который уже раз потребовал Энке.

– Слона покупаем.

– О! Только слона нам и не хватало. Я хоть и давно живу, но с этой фауной знаком мало. Видел, конечно. Что-то мне подсказывает, если эта скотина взбесится, даже мне не удержать. От тебя вообще останется только мокрая тряпка.

– Это на тебя местные специи начали действовать, – заключил Лекс. – Что ты носишься? Сядь. Я вкратце постараюсь тебе объяснить, что и как. Только не мельтеши, а то меня опять укачает.

– Исключительно из уважения к дедушке Мите, который меня за тобой присматривать отрядил.

Энке плюхнулся на ковёр рядом с Лексом, задрал рубаху и принялся чесать живот. Лексу стало хорошо, всё возвращалось.

А выходило следующее: с некоторых пор в местной ойкумене начали сходить с ума артефакты. Это такие штуковинки, которые оставляют след на всех планах. Когда случилось в первый раз, махатма Мита отмахнулся. Сами разберутся. Но сбой тянулся и тянулся. То есть был у артефакта нормальный фон, вдруг по непонятной причине он исказился и в норму придти никак не желал. Случилось это довольно давно. Местные маги шума не поднимали. И вот совсем недавно то же самое случилось с ещё одной занятной вещицей, к тому же парной первому артефакту. А местный магический Совет между тем ни гу-гу. Будто и не заметили, что пространство искрит.

Реквизитор махатма Казимир собрался уже отправить сюда комиссию. Махатма Мита покачал головой и попросил обождать. Понимаешь, Казимеж, что-то там не так. Большая комиссия наделает шуму. Боюсь, все концы уйдут в воду. Мы их, разумеется, оттуда выловим и поставим на вид всем, кто провинился. Но сам понимаешь, это же распря. Землю начнет корёжить, за сим последуют глад, мор, наводнения и общий упадок нравов. Наводить порядок придётся лет сто. У нас с тобой других дел нет?

– Он ещё не здоров.

Старики знали друг друга так давно, что могли бы словами уже и не разговаривать. Но общались исключительно вербально из уважения к традициям.

– Он уже не совсем болен. Пусть долечивается работой. И он боится идти в переход. Если сейчас затянем, дальше станет только хуже.

– А вдруг не сможет?

– Посмотрим.

Задание сводилось к следующему: Лексу и Энке следовало подняться вверх по течению Ямуны, найти небольшое княжество Раджапуристан или что от него осталось, найти раджу или опять же то что от него осталось, и выяснить, что случилось с находящимся в наследном владении артефактом.

– Таковы наши ближайшие планы, – закончил Лекс.

– И за каким демоном нам понадобилось носатое чудовище, которое фуражу сожрёт – не укупишь? Нанимаем лодку с гребцами, идём вверх по течению, потом покупаем лошадей и путешествуем как белые люди.

– Понимаешь, слон – это статус, раз. Во-вторых, на лошадях по джунглям не больно-то попутешествуешь. Опять же только слон. Мы к нему лодочку прицепим, и пойдёт он вроде бурлацкой тяги. А уже когда доберемся до верховий, мы его выменяем, так и быть, на коней.

– Согласен, есть в твоих фантазиях доля здравого смысла. Загвоздка в том, что ни ты, ни даже я править этой скотиной не умеем. Короче, завезёт он нас в какие-нибудь дебри, сбросит и сбежит. И что ты ему скажешь: «Как тебе не стыдно?..».

– Найдём погонщика... о! за нами, кажется, пришли.

– Восемь. У всех сабельки. Слушай, я всё забываю, как называются их штаны, – безмятежно спросил Энке, который будто бы даже в другую сторону смотрел.

– Которые поуже – чудридары., которые пошире – шарары или шальвары. Нашёл время о фасонах печалиться!

– Бить будем или подчиняться?

– Сначала разговаривать.

Это они зря понадеялись. Никто, как выяснилось, беседовать с ними не собирался. Оруж-ных привёл, кстати, тот самый зазывала. Похоже, под свой полог он втащил путешественников исключительно для того, чтобы потом сдать властям. Знать бы ещё, что тут за власти. Сведения, которыми располагал Лекс, имели некоторую фрагментарность. Даже какая династия на побережье нынче у власти, оказалось не так просто выяснить. С некоторых пор многие здешние княжества самоизолировались. То ли пошла мода на всё японское, то ли ещё какая напасть.

Тыча сабелькой в глаз уважаемому белому путешественнику, воин в скромном тюрбане цвета пожухлой травы на жутко ломаном северном наречии приказал следовать за собой. За попытку бегства – смерть на месте. А куда? На кудыкину гору! – Смысл короткое гавканье имело именно такой.

Вот и поговорили. Лекс с сожалением оторвался от пёстро-го ковра и с ещё большим сожалением от клочка тени. Энке подхватил сумку. Ну, этому солнце, не солнце – хоть кипящую смолу на темечко.

Стены из грубого камня сложили лет, наверное, триста назад. Решётки на окнах не оставляли места надеждам. Камень и сталь. Серое с чёрным.

Охрана осталась за дверями. Сабельки у воинов в жухлых тюрбанах оказались небольшими, почти игрушечными. Такими хорошо овец резать или вот белых путешественников.

Перед Лексом расположился хозяин рыхлого тельца в совершенно замечательном тюрбане и с огромной драгунской саблей. Куда там охране!

Энке остался в приёмной, или что она такое? На комнату пыток не похожа. Вход – выход. Лекс шепнул джинну, чтобы сидел смирно. Авось, ещё договорятся. Действовать следовало, только если сильно припечёт. Однако чем дальше, тем меньше оставалось надежды, что дело кончится миром.

Лекса спросили: кто таков? Он представился настоящим именем. Говорили на хинди. Язык он помнил, хотя произношение оставляло желать. Визави поинтересовался, где уважаемый гость выучился языку. Тот ответил, дескать, в Риме. Ага, ага, – покивал рыхлый господинчик.

Лексу он как-то сразу не понравился. Невысокий, полноватый, средних лет, – улыбка так себе, скорее ехидная, нежели злорадная. А когда начал задавать вопросы, сочувственно кивая в такт ответам, стало ясно как день – ни одному слову не верит. Сейчас исполнит положенный ритуал, формально поспрашивает и под нож. Не испытывал он интереса к ответам. Знать бы ещё он тут самый-самый или среднее звено. После очередного поддакивания Лекс решил:

– Я был бы весьма признателен, если бы уважаемый господин сообщил мне своё имя и своё положение. Я не знаю, как к вам обращаться. И это меня сильно печалит.

– Руджавара Мачхквалати.

– Уважаемый Руджавара, мне очень приятно наше знакомство. Но способ приглашения меня несколько удивил. Зачем было гонять по жаре столько ваших людей, довольно одного посыльного...

– Ко мне, добровольно!?

Рыхлый засмеялся. Такой вот спектакль. Сквозь исказившиеся черты лица проступила истина. Какая там снисходительность – сама жестокость или, скорее, кровожадность, желание и умение умершвлять. А ещё мучить.

– Следует ли так понимать, что ваш дом люди обходят десятой дорогой, – всё же спросил Лекс.

– Сто десятой.

– А что так?

– Зачем ты прикидываешься? Ты уже понял, что тебя раскусили. Мне осталось только получить правдивые ответы на мои вопросы. Но, думаю, твои уста не исторгнут истины, пока к ним не прикоснётся огонь.

Ситуация старая, как сама жизнь. Лекса в очередной раз приняли за шпиона. Знакомо, ой, как же знакомо-то!

– Я и так отвечу. Вы же пока не спросили ничего определённого, – попытался умягчить обстановку Лекс.

– Тебя послал император Аспазий?

– Нет.

– Синклит магов?

– Нет.

– Кто тебя послал?!

– Махатма Мита.

Лицо рыхлого господинчика вдруг изменилось в совершенно иную ипостась. Оно сморщилось до такой степени, что алый тюрбан аршинной высоты, кажется, даже просел на уши. Оно было бы комично, когда бы не было так страшно.

Хозяин восседал на стуле, поставленном вдобавок на подиум. Лекс стоял, задравши голову. И ладно бы – не развалится. Хуже, что уже некоторое время он слышал лёгонький свист. Ни одна птичка такого не сможет. Человеку на одной ноте, не переводя дыхания, тоже не протянуть. Пожалуй, только змея.

А господин в алом тюрбане между тем потянул саблю из ножен. Что клинок, что ножны – глаз не оторвать. Сплошное сияние и алмазные искры.

– Махатма Мита поручил мне одно деликатное дело, – напевно повёл Лекс, – соображая, далеко ли от него змея.

Вертеть головой не хотелось, дабы не пропустить выпад перепуганного хозяина драгоценной сабли.

– Дело касается совершенно другого княжества. Мы тут проездом. Не стоит беспокоиться...

– Он не беспокоится, как ты трусливо выразился, чужестранец. Он боится до мокрых штанов.

А вот это был прокол. Не иначе сказала близкая болезнь. Никогда Лекс так не попадался. Человека за спиной он не заметил. А должен был. Его учили. Ещё как учили. Однако, вот оно. И шипение как будто придвинулось.

– Чего же так боится мой визави? Вдруг у меня получится развеять его страхи? Разубедить...

– Ты и так успел наговорить на три смертных приговора.

Сабля уже вся выползла из ножен. Булат играл морозным узором.

– Понятно, что ничего не понятно. Развейте мои сомнения, раз уже всё решено, – смиренно попросил Лекс, прикидывая куда прыгать, дабы не попасть ни под клинок, ни под укус.

За спиной раскатисто с удовольствием захохотали. Шипение стало громче. Не иначе инкогнито, прокравшийся в комнату тише приведения, специально дразнил змею.

– Руджаваре было предсказано, что его убьёт посланник Шамбалы.

Лекс прыгнул в момент, когда Руджавара сделал выпад. Пухлый господинчик чуть-чуть не успел, всё же Мануса Аспера очень хорошо учили. Кобра из стоявшей за спиной корзинки метнулась почти в тот же самый миг. Хорошо бы ещё попала под саблю, да, жаль, удачи так много не бывает. Руджавара не удержал равновесия и скатился с подиума. Кобре осталось только клюнуть его в подставленную шею, что она и сделала. Сабля выпала из рук мертвеца с пронзительным звяканьем, кобра встала на хвост, расправив капюшон. Человек в зелёном тюрбане, прихватил её хитрым крючком на длинной ручке.

– Пророчество исполнилось! – торжественно заявил водитель кобры. – Руджавара погиб. Теперь твоя очередь.

– Или твоя, – озлился Лекс.

– Нет. Я паду от руки ракшаса. Так было предсказано. А ты не ракшас. Тебя послали махатмы. Сейчас наг сделает своё дело. Ты не...

Сработанная из толстых тиковых досок, обшитая железом дверь вдруг просто упала и в клубах пыли возник Энке.

– Это ты правильно заметил, он не ракшас! – рявкнул джинн. – Ракшас я!

Зелёный тюрбан дёрнулся, будто хозяин получил пощёчину. Петля перестала удерживать кобру. Чёрный наг метнулся в атаку.

Ага! Они-то думали, чего? А оно и вправду. Энке походя ухватил кобру за плоскую голову и сдавил, после чего вытер испачканные кровью и ядом пальцы о цветастые трусы.

– Отвернись, если не хочешь смотреть, – бросил он Лексу. – Я сейчас пророчество исполнять стану.

Лекс отвернулся.

На площади в ряд лежали двадцать шесть тел. Энке, залитый кровью от макушки до пяток, бросил последний труп и вытер локтем лицо. Только больше размазал.

Лекс присел в тени. В глазах рябило. Всё тело исходило какой-то волнообразной болью – сверху вниз, вдоль, поперёк с плеча на плечо. Он сдавил голову ладонями, отнял руки и только тут заметил укус. Кто-то из тех с площади таки успел его цапнуть. Это было не то чтобы очень уж плохо. Но если не принять срочных мер, можно разболеться так, что не скоро встанешь.

Разорвать ткань не получилось, он натянул край тоги, подобрал саблю, чтобы надрезать, а удержать не смог.

– Что делать, говори!

Нависший над ним Энке кривился и расходился волнами. Двор, стены, облака шли по кругу, будто Лекс попал в середину детской юлы.

– Край тоги. В нём...

Он не знал, сказал это или только подумал. Но Энке понял, рванул полотно и подхватил выкатившуюся горошину.

– Воды! – взревел джинн.

Какая-то тень метнулась от стены, затопотали быстрые шаги. Энке поднёс к губам Лекса плошку с водой, и сухая колючая горошина проскочила внутрь.

Уф! Юла стала потихоньку замедлять свой танец. Энке перестал расплываться. Вокруг собирался народ.

Заботливый, как старая дворцовая нянька, джинн перенёс Лекса поглубже в тень, устроил на ровном каменном парапете и даже положил на лоб смоченную водой тряпку. Стало совсем хорошо.

Люди шуршали, больше похожие на скелетов – такие же худые и без кровинки. Старика с лысым черепом и запавшим ртом поддерживали под руки. Но и он, и помощники покачивались, как трава под ветром. Однако не уходили.

– Это кто? – спросил Лекс.

– О! Заговорил. Ты чего помирать-то вздумал? – обрадованно зачастил Энке.

– Меня укусил один из охранников. А оно, знаешь ли, заразно.

– Меня всей сворой покусали, и вроде ничего.

– Глаза пошире раскрой.

– Зачем?

– Если зрачок начал вытягиваться, ну, как у кошки или змеи, значит всё – превращаешься.

Энке вытаращил глазищи, в которые смотри не смотри, кроме мрака ничего не увидишь.

– Я пошутил, – вяло отмахнулся Лекс.

– Скажи спасибо, что ты лежачий. Пошутил он! Да за такие шуточки, знаешь, что бывает?

– Пошли разбираться. Иначе они тут все попадают, пока мы с тобой отношения выясняем.

Покряхтывая, как старик, Лекс встал, вытер тряпкой лицо и протянул её джинну. Тот кое-как размазал кровавые потёки на физиономии, но хоть середка проступила. Со стороны костяной толпы вдруг раздался общий не то вздох, не то стон. Люди шарахнулись, лысый старик повис на руках помощников.

А случилось то, что, собственно, и должно было случиться. Двадцать четыре трупа начали постепенно приобретать черты животных. Сначала сквозь кожу полезла рыжая шерсть, потом начали вытягиваться челюсти. Четверым Лекс отсёк головы, парочке Энке их просто оторвал. Головы лежали отдельной кучей, где чья, не понять. Но даже отсечённые они равномерно и неуклонно менялись.

– Вашу в дребедень с котурнами через пролив... ликантропы!

Лексу редко приходилось видеть Энке озадаченным. Однако – вот.

Перед ними лежала груда мёртвых волков. Только двое: рыхлый господинчик и водитель кобры остались людьми. Последний, правда, состоял из двух половинок, но что они принадлежат человеку, никто бы не поспорил.

– Красные волки, – констатировал очевидное Лекс. – Он был потрясён не меньше джинна. – Эй, кто-нибудь, уважаемые, что тут у вас случилось? Откуда взялось столько оборотней в одном маленьком княжестве!?

От толпы скелетов отделилась высокая женская фигура. Молодая, невероятно худая беременная женщина в сером рубище медленно подвигалась в их сторону. Одной рукой она придерживала живот, будто опасаясь, что он отвалится. Подошла, недолго постояла возле кучи падали, развернулась и начала опускаться на колени. Лекс качнулся – поддержать. Она вскинула руку – не надо! Встала на колени и обняла ноги Энке. У стены тоже начали сползать в пыль.

– Княжество Ваджамандрипур не самое большое на юго-западе полуострова, но благодаря удачному расположению, главным образом наличию реки – самое богатое. Тут торгуют. Со всего побережья сюда привозят плоды, кожу, гончарные изделия и, конечно, украшения. Много украшений. Причём, заметь, тут мастеров огранки алмазов нет. Они живут выше по течению, то есть ближе к месту добычи камней – в Румджапагатапуре. Прямое сообщение по реке. Там погрузили товар, тут приняли.

– Так, можешь считать, что в смысле географии и экономики ты меня просветил. Суть давай.

Лекс размышлял, Энке развлекался. Они уютно расположились в люльке, установленной на спине слона. Навес на тонких жердочках прикрывал головы от прямых лучей. Энке и без него бы обошёлся. Лекс дополнительно нахлобучил местный тюрбан. Но в нём было жарко.

Как только начинало укачивать, Лекс совал нос во флакон с синеватыми кристаллами. Отпускало, правда, ненадолго. Энке, хитро извернувшись, время от времени чесал пяткой холку животине. Слон довольно всхрапывал.

Над головой проплывали ветви деревьев самого экзотического вида. Других тут не водилось. Джинн дотягивался до краснобоких плодов и смачно чавкал. Лекс отпробовал один и потом долго нюхал свой флакон. Кое-что перепадало слону. Энке кидал папайю, животное ловило хоботом и тоже смачно чавкало. Шёл пятый день пути.

* * *

Измощённый старик тогда во дворе оказался раджей. Толпа скелетов – чада и домо-чадцы. Их к тому времени осталось примерно половина от первоначального количества.

А началось всё с того, что три месяца назад к ним приехал господин Руджавара. Он отрекомендовался поставщиком огранённых алмазов, что и продемонстрировал, высыпав перед раджей горстку сверкающих камешков. То-то он путешествовал в окружении целого отряда. Ваджамандри присмотрелся к камням, отметил про себя, что раньше такие встречал, но сделал незаинтересованное лицо: дескать, ну и что, красивше видали! Зато цена камней его приятно удивила, очень приятно. Сделка увеличивала его состояние на треть. За такие барыши можно было закрыть глаза на сомнительное происхождение камешков, которые добыли и обработали в Рамджагагапурестане. Все знали, что там уже много лет творится неладное. Раджа пропал, власть переходила из рук в руки, а на попытку соседей вмешаться, дабы установить порядок, ну и, разумеется, прибрать остатки добра к рукам, следовал отпор как со стороны местных жителей, так и самой природы. В последнее время вести оттуда вообще перестали доходить.

Сопровождающий купца отряд впустили в крепость и приняли как дорогих гостей. Тем счастье и кончилось. Наутро молчаливые воины в красных лунги и маленьких тюрбанах цвета пожухлой травы согнали хозяев и всю прислугу в левое крыло дворца и заперли. Их не кормили и даже не давали воды. Люди протомились в застенке несколько дней. Один старик умер. Но даже это оказалось не самым страшным. На третий день гости стали забирать детей.

– Для чего? – спросил Лекс, сглатывая тошноту.

– Они их ели.

Среди толпы скелетов действительно не оказалось ни одного ребёнка. Беременная рани вообще чудом осталась жива. Она происходила из семьи высоких брахманов, обладала кое-какими тайными знаниями. Как только на пороге появлялись мучители, она замирала на месте, даже, кажется, не дышала. И они её просто не замечали. Собственный отряд раджи бандиты перебили в ночь праздника, устроенного в честь удачной сделки. Защитить семью оказалось некому.

За три месяца такой жизни раджа из крепкого мужчины средних лет превратился в лысого беспомощного старика. Люди умирали от голода и жажды. А детей – вот...

– Ты знаешь, откуда они? – спросил Лекс.

– С верховьев Ямуны. Камни оттуда. Больше я ничего не знаю, – прошамкал раджа.

– Позволишь ли ты переговорить с твоей женой с глазу на глаз? Поверь, мы не причиним ей вреда. Мне надо понять, что тут творится.

– Тебя послала большой раджа белой империи?

– Нет.

Ваджамандри запросто мог отказать. Жена это вообще его личная вещь, вроде исподнего. Но он был сломлен. Он согласился.

Ситарани сидела у стены, живот на последнем сроке покоился на коленях. Перед женщиной стояла миска с молоком. Она прикладывалась к ней, отпивая маленькими глоточками.

– Ты не простой человек, – первой заговорила женщина. – А твой слуга... прости, вы нас спасли, но он...

– Он мой друг.

– Кто вы?

– Меня послали махатмы, – не стал притворяться Лекс.

В женщине чувствовалась сила. Её-то как раз не удалось сломить. Она протянула руку. Лекс достал зазубренную деревянную пластинку. Рука бессильно упала. По впалой щеке потянулась слеза.

– Счастье, что вы успели... мой отец хранитель Аджанты. У него есть такая же.

– Как ты тут оказалась? Пещеры находятся далеко на севере.

– У моего отца восемнадцать дочерей. Наша семья известна и почитаема, но столько девочек! Меня выдали за Ваджамандри. Сначала собирались за Рамджагатапуру. Он отказался. У него добывались самые чистые камни на полуострове. Раджапура торговал с югом. Но потом приехали белые путешественники и объяснили молодому радже, что он может стать самым богатым человеком в ойкумене, стоит только породниться с императором. Ему отдадут племянницу белого владыки и разрешат торговать по всей империи. Раджапура, думаю, запрыгал от радости. Так случилось, что невесту везли через наши земли. Посольство остановилось у нас в доме. Отец оказал им достойный приём. Я видела, что ему не нравятся эти люди. Дело не в том, что они другой крови и даже не в том, что семье нанесено оскорбление отказом от невесты. Сами гости, их переглядывания, ухмылки, дотошный интерес, назойливое, граничащее с неприличием любопытство, фальшь, наконец, вызывали настороженность. А потом я и сама убедилась в нечистоте их намерений. Я случайно увидела, как невеста обнимается с одним из своих спутников. И не только обнимается, ты меня понимаешь?

– Я в общих чертах знаю эту историю. Свадьба состоялась, через несколько дней кто-то напал на дворец раджи, всех вырезали, а кто уцелел, погиб под ногами бешеного слона. Его ранили, и он растоптал всё живое окрест.

– Отец сказал, что это спутники невесты устроили резню. Всё должно было выглядеть как набег. Раджа погибает, его молодая жена становится владетельной вдовой. Император получает в руки алмазные копи.

Женщина невесело улыбнулась, поднесла к губам чашку и сделала осторожный глоток.

– Император не знал, что в центральных княжествах до сих пор существует обычай, по которому жена следует за мужем на погребальный костёр, – сказал вопрошающе Лекс, и сам же ответил, – не исключено. Поправь меня, если я ошибаюсь, тело Румджагатапуры так и не нашли?

– Там была каша. Возможно, раджа оказался искалечен настолько, что его просто не опознали. Новобрачная вместе с посольством исчезла в туже ночь. Их больше никто не видел. Император не дождался алмазов. Родственники раджи начали войну за престол, но как только кто-то надевал золотой тюрбан, являлся слон и убивал его. Вскоре претендентов вовсе не осталось. Это случилось десять лет назад. Про злосчастного жадину стали забывать. Княжество пришло в запустение. А потом появились эти оборотни. Я сразу почувствовала неладное, но муж не стал меня слушать. Он, конечно, питал глубокое уважение к моей семье, но сильно огорчился, когда вместо нежной девочки увидел на своём ложе зрелую женщину. Меня тут не очень жаловали.

* * *

– Я так понимаю, мы сейчас медленной скоростью направляемся прояснять этого слона, – спросил Энке после некоторой задумчивости.

Он как раз дотянулся до очередной папайи и начал её изучать.

– Ну, в общем-то, да. Именно. Если оно слон.

– И как ты собираешься это узнать? Поймаешь за хобот и спросишь?

– Да как-то так.

Энке изогнулся и постучал их общий транспорт по хребтине пяткой.

– Эй, ты человеческий язык понимаешь?

Слон поднял хобот и продудел два раза.

– Как думаешь, что он хотел сказать? – озадачился джинн.

– Предупредил: ещё раз постучишь, пойдёшь пешком. Кстати, всё хочу тебя спросить, да ты разговор уводишь, что за камуфляж у тебя на голове был, когда мы встретились?

– Отвянь!

– Считаю, я обиделся.

– Тоже мне, барышня, обиделся он! Я, может, до сих пор по пять раз в день темечко скребу. Краска, так её перетак, не смывается.

– А я думал, сама линяет. Да почти уже и не видно. Но, если не хочешь, не говори. Вдруг твоя история так меня расстроит, что станет совсем плохо. Видишь, и так всю дорогу мутит, – невинно потупился Лекс.

– Знаешь, чего я боюсь? Что ты от хохота со слона рухнешь и чего-нибудь себе повредишь.

– А вот не надо меня жалеть.

Лексу стоили больших усилий сохранять печальный вид. Он даже сунул нос в свой флакон и глаза прикрыл, вроде страдает.

– Понимаешь, – медленно начал Энке, которого тоже распирало, да выговориться не могло, попал я, так попал!

– Куда?

– В меньшинства.

– Национальные? Религиозные? Социальные? – оживился Лекс.

– В сексуальные.

– Что?! Ты?! Вали со слона, пидор гнойный!

Лекс так захохотал, что хлипкая люлька заходила ходуном.

– Сейчас точно свалю. И путешествуй ты дальше в компании своего флакона да носатого, урод!

– Прости. Прости! Правда... только этого не может быть! Хочешь, съем собственную туфлю?

– Оставь обувь в покое. Я такой переплёт попал, хоть плачь, хоть смейся. Меня дедуня Мита отправил учиться, дескать, пока Лекс выздоравливает, ездай-ка ты ума наберись. Только уговор: сидеть тише травы, ниже воды. Или наоборот, не помню. Бумаги нужные мне отдал, котомку в дорогу, и отправил, как он это умеет – на один щелчок. Глаза закрыл здесь, открыл уже там.

Стою посреди площади, дома вокруг – ничего так, архитектурка. Народ одет по-разному, странновато, да чего мы с тобой только не видели. Ещё таракелки эти с колёсами. Вот чего не люблю, того не люблю. Но деваться некуда, я уже здесь. А ещё посреди площади хрен египетский торчит.

– Египетский... чего?

– В Луксоре полно этих колонн. Называется: плодородный орган бога Осириса. Такие кверху заострённые? Помнишь? Тут точно не Египет. А орган наличествует. Прислушался,

речь вроде понятная. А прямо напротив меня огромными буквами написано «Университет». Туда-то думаю, мне и надо. Пошёл. Народ вокруг в основном молодой, и как-то на меня все косятся. Я морду тяткой, и в ректорат. Там документы у меня приняли. Спрашивают, какой факультет выбрал. Строительный, говорю. Вдруг выходит из-за стола мужчинка совершенно определённого пошиба и, виляя бёдрами, начинает меня обходить по кругу. И так он ахает, так восхищён, что даже глазки закатывает. Сам белесенький, волосья колечками, личико гладкое, будто отекло, и кожа белая-белая – чисто опарыш. Я, говорит, декан факультета искусств. Прошу к нам. Умоляю, на колени щас паду. При этом поворачивается спиной, а штаны у него на заднице прозрачные. Мало того, против ануса в штанах дырочка, обшитая аккуратными такими стёжками.

Меня замутило, едва успел рот зажать. Спалю ведь тут им всё к чертям. Перетерпел. Прыщ понял, что не по адресу обратился, принял оскорблённый вид и вымелся из приёмной. И тут выходит ко мне сам ректор. Через плечо три голубые ленты. Он-то мне и объяснил, что по вновь принятому закону всё население моложе семидесяти лет обязано носить опознавательные знаки. И, значит, я, как приехавший из страшной глухомани и не знакомый с цивилизацией, должен сей же час решать. Активный – три голубые ленты. Пассивный – две. Трансвестит – одна. Активная лесбиянка – три розовые ленты, пассивная – две. Бисексуал – розовая и голубая. Я спрашиваю: а нормальные? Ректор как заорёт, дескать, нормальные в ленточках ходят, а отщепенцы, меньшинства то есть, в клетчатых хламидах. Для брака им потребно особое разрешение, учение для них стоит в два раза дороже, чада, рождённые допотопным способом, подлежат изъятию и передаче в нормальные семьи.

Я осмелился спросить, как остальные дети на свет появляются? Он отвечает: из пробирки. А в приёмной уже полно народу. И все то с одной, то с двумя ленточками. На жожака смотрят преданно, на меня алчно. Я начинаю вспоминать благословенные времена, когда можно было двух полководцев одним треножником отходить, чтобы добрым людям не мешали плодиться и размножаться, и одновременно – напутьствие дедушки Миты, сидеть тихо. Короче – попал. Нет, говорю, я лучше в клетчатом. Мне так привычнее.

То, что с меня вдвое за учение взяли – чепуха, что жить пришлось в каморке под лестницей – тоже не самое страшное. Другое дело естественные потребности. Я ж нормальный половозрелый джинн, мне ж без личной жизни никак!

– Ну, и?

– Начал изыскивать варианты. И получил полный облом. Куда ни кинь, то голубые, то розовые. Засечёшь клетчатую хламиду – обязательно мужик окажется. Раз женщину на улице увидел. Идёт впереди, юбочка в сине-красно-зелёную клетку, на ножках белые гольфы с помпонами. Ножки, правда, кривоваты и коленки сухие, как у старой курицы. Но тут уж не до жиру. Догоняю, обхожу...

– И-и-и... – Лекса скрутило, но таки выговорил, – шотландские Дугласы. Килт с такими цветами у них.

– А на груди три голубые банта! И борода венником. Смотрит на меня и с ходу предлагает присоединиться к их радикальному братству. Они, дескать, за полное раскрепощение, включающее детей, животных и некрофилию. Я и не сдержался. Близко стоял так, что ему бороду напрочь спалило, бантики завяли. Даже на стене копоть осталась. Хорошо, мы как раз в переулок свернули, народу вокруг никого. Я его к стенке копчёной придвинул и объяснил, что если он хоть словом кому проговорится о нашем разговоре – спалю к чертям весь город, устрою им тут фейерверк по полной.

– Обошлось?

– Он в этот же день свалил до дому. Манатки собрал, и был таков. Но мои-то проблемы при мне и остались. И вот дней через пять иду по коридору, аудиторию ищу. Попадается мне навстречу университетская активистка. У неё не то что ленточки даже волосы в розовый цвет

выкрашены. Но если не обращать внимания, девица вполне ничего себе. Только меня увидела, и давай агитировать. А я и думаю, чего я себе на ровном месте проблему придумал?.. Вот же они женщины рядом, следует только изменить подход. Эта дуручка, может, мужика нормально в жизни ни разу не видела, вот и заблудилась. Она меня уговаривает, а я поддакиваю да соглашаюсь. Девочка и расслабилась. Тогда я ей под страшным секретом сообщил, что на самом деле я женщина. Она не поверила. Договорились, у меня в каморке после занятий встретиться. Чего я там пел, всё и не вспомню.

– Заинтриговал?

– Угу. Пришла. А много ли нам джиннам надо, чтобы женщину охмурить? Она и не заметила, как в койке оказалась. А под утро разревелась в три ручья. Жизнь, говорит, прошла зря, дескать, проклятые радикалы отняли у неё самое главное. Обманули. Ну, она им покажет.

А вскоре выходит новый закон, хламиды нам заменяют на татуировку. Если прикоснулся к ереси, носи знаки отличия пожизненно. Чтобы, значит, каждый мог тебе на вид поставить. Тёмен народ – не понимает, что татуировка это не просто рисунок, это такое заклинание, которое тебе всю жизнь перепашет. Цветочки, лепесточки – а судьба загнулась. Но к тому времени у нас уже подпольный кружок организовался. Спротивление. Парень один меня с ног до головы изрисовал клетками. Только, говорит, постоянно подновлять придётся. Ну, думаю, как-нибудь продержусь. Не век же ты будешь страдать, выздоровеешь и заберёшь меня из этого сумасшедшего дома. С тела краска быстро смывалась, на голове помедленнее. Ещё зудилась, спасу нет. Но терплю, жду. И дождался, накрыли нас прямо в постели с Моникой. Жарко было, с меня почти вся краска сползла – налицо целый комплекс преступлений. Угадай с трёх раз, какое мне наказание вышло?

– Оскопить, чтобы, значит, уже точно влился в ряды.

– Умный! Вывели меня на площадь и народ стали скликать. Вдруг откуда-то старух набежала целая толпа. Бабки меня обнимают, целуют. Ну, думаю, герантофильская фракция решила напоследок поглумиться. Нет, оказалось гендерное подполье. Это, которые ещё помнят что оно такое.

Бабки голосят. Полиция площадь окружила, загородилась прозрачными щитами. Я стою голый, рядом хрен египетский торчит. И вдруг выталкивают в образовавшееся пространство мою подругу. Решили, значит, перед оскоплением посредством нас продемонстрировать всю мерзость естественного соития, чтобы народ поглазел и проникся отвращением.

– Продемонстрировал?

– Само пошло. Моника визжит, бабки вокруг нас хороводом ходят и гимн поют. Я поверх голов смотрю, а за прозрачными щитами толпа мужиков клубится и вся-то она клетчатая. Откуда столько нужного тряпья нашлось? Не иначе припрятанным лежало. А из другого переулка катится целая женская рать. Они первыми полицейских смяли. Стражи порядка, видя такое дело, щиты побросали и влились в общий бунт. Моника убежала куда-то. Кругом идёт любовь не на жизнь, а на смерть.

Тут бабка какая-то до меня допрыгнула и шепнула, что меня в переулке махатма Мита дожидается.

Весь боевой дух из меня мгновенно вышибло, поникло всё, что внутри, что снаружи. Иду, а у самого ноги подгибаются, так как понимаю, грядёт наказание, включая развоплощение в бесплотные духи. Захожу в переулок, там дедуня в шалочку кутается. Я перед ним на колени бух. А он меня так по клетчатой голове погладил и говорит: «Ты хорошее, правильное дело сделал, мальчик. А теперь ты нужен Лексу. Одевайся». И протягивает мне пёстрые трусы. Я только их натянул, гляжу вокруг белый туман, а внизу река шумит. Не поверишь, я такого счастья не помню с той нашей встречи в пустыне. Но хорошего много не бывает. Из тумана выныривает дядька Казимир и начинает с порога орать, что я как всегда нарушаю, задерживаю, саботирую: Лекс уже ушёл в поиск, сколько меня можно ждать?!

Таким вот образом я в пёстрых трусах и с клетчатой головой попал в переход. Поплутал, правда, немного, но дорогу таки нашёл.

– Обратно не тянет?

– Издеваешься?

– Отнюдь. Зуб даю, тебя там канонизируют теперь. А то и обожествят. Появился неизвестно откуда, исчез в неизвестном направлении. Историки начнут до родословной докапываться и выяснят, что на Крокодиловых островах, откуда ты якобы прибыл, отродясь такого персонажа не проживало. Всё – легенда сложилась, ты – новое божество, выведшая мир из темени к свету.

– Как думаешь, мне от этого жарко или холодно случится, – поинтересовался Энке, слегка подрагивая голосом от затаённой гордости.

– По-разному бывает. Одним – ничего. У других видения начинаются, голоса в голове осанну поют. А у некоторых парша по телу идёт вроде аллергии...

– Гад ты всё же. Другой бы успокоил, ободрил, кинул позитивную вводную... тебе лишь бы надсмехаться.

– Обойдёшься. Я на больничной койке концы отдавал, а тебя самая красивая девушка университета ублажала. Кто кого должен жалеть? погоди, мысль появилась, дай сформулирую, а то ускользнёт.

Лекс даже палец поднял от усердия.

– Симптом выгорания элиты. Идиотизм начинает зашкаливать. Любая идея доводится до абсурда. Связь с реальностью истончается до состояния эфемерной пленки, которую способна разорвать любая чепуха...

– Слушай, – оборвал его джинн, – давай, лучше про слона.

Ваджамандра не поспешил, дал своего личного, недоеденного ликантропами слона и второго с проводником. То есть, первым двинулся проводник на своей животине, следом – Лекс и Энке на своей. Мелкие притоки Ямуны слоны форсировали неспешным маршем, позволяя себе обрызгаться водичкой. Пассажирам тоже попадало. После каждой переправы приходилось вывешивать на жёрдочках одежды. Но больше по привычке. Оно и так и так оставалось влажным. Духота и сырость уже стали надоедать, когда в один момент кончились. Стало просто жарко, а потом и сухо. Местность повысилась, следовательно, они почти добрались до цели.

Речка впереди не отличалась ни глубиной, ни бурливостью. Приток как приток. Посередине игривая струя пошевеливала труп антилопы. К берегу вела широкая тропа. Только вот слоны упёрлись. Погонщик, он же проводник, погнал свою скотину в воду, на что получил трубный рёв, больше похожий на ругательство. Второй слон молча поддал крупом. Шаткая конструкция на спине накренилась и затрещала. Энке спрыгнул, обежал скотину по широкой дуге и помог спуститься Лексу. Освобождённый слон тут же успокоился, повернул вспять и начал удаляться.

– Стоять! – заорал Энке.

Слон опять поддал задними ногами на манер разгневанного мустанга, давал понять, что их ждёт в случае, если будут настаивать. Впрочем, далеко он не ушёл, остановился за деревьями. Второй слон вскоре к нему присоединился. Погонщик только разводил руками. Его послушать, животные взбунтовались, почуяв опасность.

– На том берегу, наверное, притаился ракшас, – заключил погонщик. – Слон мудрое создание, он их чувствует.

– Ага, эт точно, – подтвердил Энке, стаскивая со спины мудрой животины баул с пожитками. – Ты вот что, уважаемый, дуй до дому. Дальше мы сами.

Кто бы другой спорил: проводник мгновенно вскарабкался на спину своего слона, почмокал второму и был таков.

Мутноватая речная вода несла приятную прохладу. Если бы не труп антилопы, болтающийся в непосредственной близости, Лекс бы обязательно искупался. А так не тянуло. Энке уже закинул сумку себе на плечо и вошёл по колено, а Лекс всё не решался. Холодок гулял между лопатками.

– Долго ты будешь мечтать? Скоро стемнеет. Месить грязь в потёмках будешь сам. Я уйду.

– Тебе-то – да! Тебе хоть в серную кислоту. А я элементарно боюсь какую-нибудь заразу подхватить, – попытался оттянуть неизбежное Лекс.

– Так и быть, забирайся мне на плечи. Захребетник! Мало я тебя таскал по горам и весям. Теперь вот по джунглям таскаю.

С высоты обзор открывался не в пример. Подрагивающая ветка на той стороне скрывала за собой что-то не очень крупное и явно живое. Оно время от времени меняло позу, возможно, чесалось.

Их ждали. Хотя что тут такого? Заметили с ближайшего холма гружёных слонов, вот и выслали разведку. А холодок?

– Сколько их? – тихонько спросил Энке.

– С чего ты взял?

– А с того, что ты мне по черепу чечётку вышлёпываешь.

– Прости, не заметил. Оно одно. Не очень большое. Если честно, не пойму что там или кто.

– И ладненько. Одного уложить – это тебе не полдня с волками собачиться, управимся, – облегчённо вздохнул Энке.

Будто бы он и вправду в крепости притомился, изловляя ликантропов. Лицемер!

Следовало успокоиться. Волнение происходило от слабости. Слабость пробралась до самого доньшка, до внутренностей. Кажется, даже сердце стало биться медленнее... и Энке почему-то остановился.

«Чего стоим, чего не едем?...»...

Лекс вроде произнёс насмешливую фразу, а получалось, даже рта не раскрыл. Труп антилопы болтался в непосредственной близости. Несмотря на влажную среду, тельце козы высохло наподобие мумии.

Оп! Вода омывала почившую зверюшку, вскипая бурунчиками... и как бы возвращалась к основанию камня. То есть, непрерывно кружила на одном месте. Лекса сей феномен заинтересовал настолько, что он притормозил Энке, за неимением поводьев прихватив товарища за уши. Тот даже не огрызнулся. Как шёл, так и встал. Безмолвный!

До Лекса стало доходить. А холодок, гулявший между лопаток, растёкся уже по всему телу. Руки ещё двигались, ноги же, кажется, и вовсе примёрзли к такому же мёрзлому телу друга.

Угадайте с трёх раз, что может заморозить энергетическую аномалию? Правильно, время. То есть его остановка.

То есть, они оба два врюхались в темпоральную петлю, кем-то тут расставленную. Не очень даже и умело. В хорошей петле осознание катастрофы приходило последним. Следом происходило затухание центральной нервной деятельности, а там и мумификация наступала. Вот она коза-то!

Лекс расслабился, насколько позволяло положение наездника на чужой шее – практически мешком осел.

Не шевелиться, не дышать, замедлить ритм сердца до критического, чтобы слово за словом выстроить формулу разрыва петли. Не обязательно даже вслух. Лекс умел «громко» думать. Слова корчились, тлели и исходили чёрным дымом. Первая буква тускнела, когда

последняя ещё только начинала мерцать. Борьба шла на грани обморока. Он успел испугаться, что сил не хватит, когда с умопомрачительным «Пумк!» петля лопнула.

Не удержав равновесия, посунулся вперёд Энке. Бесчувственный Лекс вообще улетел в воду. В довершение мумия антилопы сорвалась с камня и с дикой, накопленной за время темпорального плена, энергией просвистела по-над ними, рванув белую тогу посланника Шамбалы.

Первым пришёл в себя естественно Энке, отмахнулся от мумифицированной напасти и выловил Лекса. До берега он проскакал козлом, тут же и осев на камешках. Временная петля явление редкое настолько, что даже джинны с ней не часто встречаются.

– Это что было, – мокрый, встрёпанный Энке уставился на медленно приходящего в себя Лекса.

– Ловушка-а-а...

– Ага, полежи-ка тут, а то наблюдатель что-то осмелел. Сейчас с ним разберусь...

Но тот, видимо, не захотел официальных церемоний, примитивно метнул нож-лепесток, метаясь в того, кто крупнее. Расчёт был на то, что с мелким да беспамятным и так справится. Блестящая стальная рыбка большой беды не наделала, но таки руку Энке зацепила. По краю раны вскипела чёрная кровь и тут же забугрилась, превращаясь в рубец. Не знал чужак, с кем связывается!

Уже через мгновение живой, скрученный в узел комок пищал в руках разъяренного джинна.

– О! – вдруг успокоился Энке и даже слегка разжал хватку. – Бабка!

Ну, бабка, не бабка, но не первой и даже не второй молодости тётка наливалась в его объятиях синевой – вот-вот концы отдаст.

– Отпусти её, – попросил Лекс. – Удавишь, а покойника допрашивать сложно, а пуще того – противно.

Комок мякнулся на землю и затих.

– Жива? – спросил Лекс.

Энке пошевелил даму носком сандалии. Та дёрнулась, застонала, а потом быстро-быстро залопотала. Из невнятного потока Лексу удалось уловить всего несколько знакомых слов.

– На каком это она? – озадачился Энке.

– Вроде тибетское наречие, сейчас, погоди.

Лекс поднапрягся и выдал длинную фразу, всю состоявшую из сплошных завываний.

Тётка открыла глаза. Они оказались раскосыми и чёрными, как агат. Вообще, лицо дама имела плосковатое и треугольное. Абсолютно нездешнее.

– Шайтан, – выговорили тёмные губы приговор, непонятно кому из них. Ну, с джинном – ясно, хотя и Лекс сейчас мало походил на ангела.

– Возьми мою жизнь! – вдруг завопила тётка. – Выпей мою кровь, только не трогай его. Он болен. Он умирает. Дай ему отойти с миром. Хочешь я стану твоей рабыней? Я буду приносить тебе тёплую добычу. Я стану охотиться на людей, если ты прикажешь, только не трогай его.

– Кого – его, бабуля?

Энке подвинул субтильную женщину, так, чтобы голова не заваливалась. Лекс плеснул в лицо водой.

– Раджапуру.

Натирали мокрые сандалии. Лоскут тоги на каждом шагу прилипал к икрам. Ноги путались в рванине. Лекс спотыкался, отлеплял ткань и делал следующий шаг.

Так продолжалось второй час. Тётка по имени Эхайя понаставила тут ловушек. Время от времени она командовала: влево, вправо. Лекс переводил. Энке делал соответствующие повороты. Тётка почти каждый раз заходила впопьями и трепыхалась. Оказывалось – не туда.

– Либо она путает, либо ты неверно переводишь! – взревел, наконец, многотерпеливый джинн. – Вы, оба, хватит умничать! Скажи ей, пусть пальцем показывает.

Лекс поднатужился и перевёл. Тётка, кстати, передвигалась посредством Энке. Тот засомневался, не удерёт ли ловкая охотница, пусти её своим ходом. Зато дама по дороге рассказала кое-что интересное. Лекс старался синхронно переводить. Но Энке, кажется, и сам начал вспоминать язык. Всё же он очень давно жил.

– Давай ещё раз, – попросил джинн на относительно ровном участке тропы. – Кто она и откуда?

– Не поверишь. С той стороны Гималаев. Проживала она в горном селении, вернее, невдалеке. Пробавлялась знахарством. Дочку прижила убогонькую.

– То есть?

– Девочка вышла глухонемая. Но она, – тут я не понял, – тётка говорит, якобы она видит чужими глазами. Что бы это могло значить?

– А я знаю! – Мысли читает...

– Уважаемая! – обратился Лекс к тётке. – Твоя дочь знает, что в голове у других людей?

– Нет! Она слышит, как растёт трава, о чём звери говорят у водоёма, как птица вьёт гнездо... она слышит, как поднимается зло и как творится добро.

– Поразительно глубокий философский подход для представительницы столь примитивной культуры...

– Ты лучше спроси у тётки, далеко ещё, – приземлил разговор Энке.

Лекс выдал длинное завывание. Эхайя коротко провыла в ответ.

– Нет.

– Как они сюда-то попали? – не унимался джинн.

– Всё их селение до последнего дома накрыла лавина. Дочка с мамашей проживали на отшибе в пещерке. Выглянули поутру, а вокруг сплошной обрыв. Они сунулись вглубь горы, и вышли уже на этой стороне. Думаю, стихийный коридор образовался. Вышли они, поплутали немного, а потом наткнулись на племя Кхаси.

– И что?

– Да ничего особенного. Ты амазонок помнишь?

– Такое забудешь!

– Примерно то же самое. Только эти тётки из Кхаси своих мужчин не убивали, а пристраивали на тяжёлые работы по хозяйству. Эхайя быстро разобралась с местными травами и начала знахарничать. Так бы и прижились, да только случилась незадача. Одна дама решила в дом взять молодого мужчину – мальчика для постели.

– Взяла?

– Угу. Только старший муж взревновал. Вишь, у них такое тоже случается.

Парня нашли со свёрнутой шеей. А старший муж возьми и укажи на Эхайю.

– Почему?

– Глухонемая дочка знала доподлинно: кто, кого, за что и как. Мать не догадалась смолчать. Что оставалось убийце? Только свалить свою вину на чужачку. Тётка, которая и так урон понесла, рассудила, что терять ещё одного мужика в хозяйстве, сильно накладно выйдет, и демонстративно поверила в навет. Но и у неё в племени нашлись недоброжелатели. наших беглянок собирались умертвить...

– Всего-то!

– Дверь сараюшки, в которой их держали, этот самый недоброжелатель ночью потихоньку открыл и выпустил узниц на волю. Они, естественно, побежали. Так и бежали, пока не оказались на плато. Условия там, я тебе скажу, не очень. Днём жарко, ночью холодно, всё время очень сухо и довольно безлюдно. В общем, мать с дочерью решили выйти на дорогу. Я так понял, без дороги было вовсе не пройти. Там-то их и прихватили по-настоящему. Двое бога-

тых мужчин гнали по тракту рабов. Один низенький и пухлый, другой долговязый, с коброй в корзинке. Собственно, не они гнали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.